

Т.П. Буслакова

«Приморский сонет» (1958)

1950-е годы — время подведения итогов столь редкой в русской литературе долгой и плодотворной жизни поэта. Ахматова, заключая свою автобиографию, писала: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя со временем...» Это относится прежде всего к патриотической лирике, к осознанию своего места в становлении национального характера. Но ощущение времени у лирической героини Ахматовой особое — она живет не только в современности, но и в истории, и в вечности. В связи с этим, подводя итоги, она воспринимает свое земное существование как этап мировой жизни.

«Приморский сонет» входил в неизданный сборник «Нечет» (1936–1946), ставший впоследствии одним из разделов «Седьмой книги». Стихотворение воплощает такую твердую форму, как сонет французского типа. Его лирическая героиня необычайно остро ощущает временность, мгновенность своей жизни:

Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни...

«Воздух вешний» тоже навеивает мысли о близком конце, о невозможности новой «весны», о необратимости времени для человека. Героиня слышит «голос вечности», звучащий «с неодолимостью нездешней». Сосредоточенность на мысли о смерти ставит стихотворение Ахматовой в один ряд с раздумьями лирического героя Пушкина в стихах конца 1820-х — 1830-х годов, в том числе в элегии «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829), тоже написанной четырехстопным ямбом. В сонете, так же, как в элегии, выстраивается цепь антитез, выражающих противоположность жизни и смерти. Цветению и сиянию жизни («цветущая черешня», «Сиянье легкий месяц льет») у Ахматовой уделяется центральное место, в отличие от стремления лирического героя Пушкина в каждой примете жизни «угадать» «грядущей смерти годовщину». Фоническое своеобразие пушкинской элегии построено на ассонансном звуке «у», который уже с первой строфы, когда неясно содержание «мечтаний» лирического героя, придает им горестный, унылый оттенок:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных, —
Я предаюсь моим мечтам...

Такой звуковой символизм замечен и в дальнейшем:

Я говорю: промчатся годы...
...
Гляжу ль на дуб уединенный...
...
И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать...
...
И равнодушная природа...

Контрастом к такой минорной тонике являются стечения гласных в последней строчке (в тексте остальных строф они не подчеркнуты соответствующей лексикой): «Красою вечною сиять».

У Ахматовой они появляются в самом начале сонета, а во второй строфе использована образная и фоническая реминисценция последней строчки пушкинской элегии:

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет...

Для ахматовской лирической героини смерть — это дорога к вечности, и она «кажется такой нетрудной», «белой», «светлой». Она одна для всех, и на ней можно встретиться с самым дорогим, заветным, здесь

...все похоже на аллею
У царскосельского пруда.

На одну из тех аллей, по которым «бродил» «смуглый отрок» в стихотворении, написанном Ахматовой за сорок семь лет до этого. Так в сонете пересеклись несколько временных пластов: юность и зрелость поэтов, «час», о котором они размышляли в стихотворениях, будущее, которое увидят их потомки, приглядываясь к немym свидетелям их земного существования («...патриарх лесов//переживет мой век забвенный...»; «Здесь все меня переживет, //Все, даже ветхие скворешни...»). События во всех «веках» развиваются параллельно, как сюжеты разных писателей, становящихся ровесниками и современниками читателя. Потому для героини Ахматовой одинаково прекрасны жизнь («чаша изумрудная») и «неодолимость нездешняя» вечности, кажущаяся по мере приближения «еще светлее». Вслед за Пушкиным она, освобождаясь от случайного, поверхностного, стремится быть «ближе к милому пределу», оставляя в земном мире «все» внешнее, принести самое дорогое к «царскосельскому пруду».